

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146
УДК 1(045)

Идентичность: виртуальная или реальная?

М.В. Клементьева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Что происходит с идентичностью человека, когда он погружается в виртуальный мир, присоединяясь к онлайн-сообществам или как-то иначе, действуя в сети Интернет? Она остается прежней или возникает что-то новое? На эти вопросы мы хотели бы ответить в данной статье, рассмотрев понятие и статусы *виртуальной идентичности* – технологически опосредованного образа «Я», моделируемого самим пользователем в виртуальной среде, по отношению к личности носителя. С этой целью был применен разработанный нами оригинальный опросник оценки статусов виртуальной идентичности среди 268 студентов в возрасте от 17 до 24-х лет. Материалы статьи формируют основу для будущих психологических исследований идентичности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: виртуальная идентичность; статус; свойства личности; цифровое пространство; пользователь

Для цитирования: Клементьева М.В. Идентичность: виртуальная или реальная? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):141-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146

ORIGINAL PAPER

Identity: Virtual or Real?

M.V. Klementyeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

What happens to a person's identity when they dive into the virtual world, joining online communities or being active on the Internet otherwise? Does the identity remain the same or does something new arise? We would like to answer this question in this article by considering the concept and statuses of virtual identity – a technologically mediated image of the "I", modeled by the user himself in a virtual environment, in relation to the user's personality. For this purpose, we used an original questionnaire which was developed by us to assess the status of virtual identity among 268 students aged 17 to 24 years. The materials of the article form the basis for future psychological studies of identity in the digital space.

Keywords: virtual identity; status; identity properties; digital space; user

For citation: Klementyeva M.V. Identity: Virtual or real? *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):141-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир представляет собой гибридную реальность, где гаджеты – не просто развлекательные устройства, а средства, связывающие цифровые и реальные среды в единую экосистему. Современные молодые люди являются представителями «цифрового поколения», выросшего с планшетами и смартфонами. Они функционально не различают цифровые и физические среды, их личность формируется в ходе взаимодействия с виртуальными субъектами (например, чат-ботами).

Хотя виртуальные среды способствуют формированию виртуальной идентичности, исследования в этой области в основном сосредоточены на корреляции психологических

переменных с «экранным временем» (частотой и длительностью действий с цифровым устройством), атрибутивными характеристиками аватаров и цифровых профилей, что приводит к упрощенным выводам. На сегодня существует очень мало изысканий, предметом которых являются статусы виртуальной идентичности в связи с личностными особенностями ее носителей.

Впервые термин «идентичность» появился в 1950-х гг. в трудах Э. Эриксона как осознание временной преемственности и переживание единства и уникальности «Я» в общности с социальными образцами группы, к которой личность себя причисляет [1]. В дальнейшем психологическая операционализация

конструкта была осуществлена Дж. Марсиа, который выделил четыре основных статуса идентичности, а затем Д. Маттесон представил механизм дифференциации статусов идентичности как обусловленный взаимодействием двух факторов — поиска и принятия. Таким образом, статусы идентичности приобрели новое психологическое содержание в рамках *типологической модели*: (а) достигнутая идентичность (принятие, основанное на исследовании альтернатив); (б) отчужденная или предрешенная идентичность (принятие, основанное на незначительном изучении альтернатив или их отсутствии); (в) мораторий (выбор, который осуществляется в настоящее время и еще не завершен); (г) диффузная идентичность (отсутствие поиска и принятия). Растущий объем исследований убеждает в том, что статусный тип идентичности представляет собой целостный профиль по ключевым параметрам личностных особенностей: индивидуально-психологические свойства личности и образа «Я», паттерны поведения, уровень психологического благополучия, а также характеристики межличностных отношений. Хотя в психологической литературе представлено много исследований идентичности, они в основном базируются на содержании показателей, разработанных в 1960–1980-х гг., поэтому могут быть не столь актуальными для современных людей [2]. Очевидным *вызовом для исследователей выступает тематика статусов виртуальной идентичности*.

Итак, виртуальная среда предлагает нам новые возможности в исследовании и подтверждении идентичности, которые сопряжены с рисками для личности. Чтобы понять историю идентичности в цифровом мире, необходимо осознать значение виртуальных сред в этом процессе.

Как социокультурный и психологический феномен реконструкция идентичности в виртуальной среде привлекала внимание ученых еще в XX в. [3]. Однако они касались частных аспектов онлайн-взаимодействия, но не изучали психологические механизмы становления идентичности. Актуальность вопроса соотношения виртуальной и реальной идентичности приобрел тогда, когда расширились пользовательские возможности и многие сферы жизни человека стали связаны с цифровыми технологиями.

Тезис о том, что виртуальная идентичность замещает реальную, в наше время стал предметом дискуссий. Некоторые исследователи (Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов, Е. А. Войскунский, Y. B. Kafai, С. Ну и др.) считают, что виртуальная идентичность будет отличаться от любой формы идентичности, проявляющейся в реальных (повседневных) средах. А, например, M. D. Back, P. M. Valkenburg, M. Wängqvist, I. Granic отмечают, что идентичность в онлайн-пространстве отражает существенные свойства любой другой формы идентичности, т. е. рефлекслируемый социально желательный образ пользователей, который удовлетворяет их потребность в самопрезентации, обуславливая поведенческие паттерны, способствующие формированию ожидаемого впечатления у других. Однако *устойчивые личностные характеристики* — индивидуально-психологические свойства, включая диспозиции, особенности образа «Я» (например, самооценку); паттерны поведения; уровень психологического благополучия; а также характеристики межличностных отношений, которые демонстрирует личность в виртуальной среде — не отличаются существенно от реальной жизни.

Мы полагаем, что необходима теоретическая основа, в рамках которой можно объяснить процесс становления виртуальной идентичности, например эпигенетическая концепция Э. Эриксона. В рамках данной концепции виртуальная идентичность как цифровой опосредованный образ «Я» может проявляться в виде четырех статусов — в зависимости от результата взаимодействия факторов «поиска» и «принятия» (табл. 1).

Типологическая модель виртуальной идентичности описывает не только содержательные, но и функциональные аспекты.

Представим эмпирическое обоснование данной типологии виртуальной идентичности в контексте соотнесения со свойствами реальной личности пользователя.

МЕТОД

Выборка. В опросе приняли участие 268 студентов, обучающихся в Финнуниверситете, в возрасте 18–24-х лет. Из них: 69,8% — женщины и 30,2% — мужчины.

Методика. Использован оригинальный авторский опросник оценки виртуальной идентичности, включающий 24 утверждения,

Таблица 1 / Table 1

**Типологическая модель статусов виртуальной идентичности /
A typological model of virtual identity statuses**

Шкала 1		Шкала 2	
		Поиск	
		Наличие	Отсутствие
Принятие	Наличие	Достигнутая виртуальная идентичность (принятие идентичности, основанное на исследовании альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)	Предрешенная виртуальная идентичность (принятие идентичности, основанное на отсутствии альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)
	Отсутствие	Мораторий виртуальной идентичности (выбор альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)	Диффузная виртуальная идентичность (отсутствие поиска и принятия паттернов поведения в виртуальной среде)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

сформированные в 4 шкалы. Применен метод экспертных оценок и фокус-групп с использованием коэффициента Каппы ($\kappa_{\text{эмп}} \geq 0,86$).

Помимо авторской методики, применены шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера [4], самодерминации [5], диспозиции «большой пятерки» личности [6].

Стратегия анализа. Оценка структуры проведена с использованием ЭФА (эксплораторный факторный анализ с альфа-факторизацией и вращением варимакс). Оценка согласованности пунктов шкал проведена с использованием показателя α -Кронбаха. Нормальность распределения — при помощи теста Колмогорова-Смирнова. Проверка связи показателей виртуальной идентичности со свойствами личности осуществлена посредством корреляционного анализа. Сравнительный анализ показателей — с использованием t-критерия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате процедуры ЭФА получены 4 фактора с собственным значением больше 1,0, с общей объясненной дисперсией 33,5%. Интерпретируя факторы, можем выделить следующие шкалы: «Мораторий виртуальной идентичности» — фактор 1 (10,2% объясненной дисперсии); «Предрешенная виртуальная идентичность» — фактор 2 (8,4% объясненной дисперсии); «Диффузная виртуальная идентичность» — фактор 3 (7,5% объясненной

дисперсии); «Достигнутая виртуальная идентичность» — фактор 4 (7,4% объясненной дисперсии).

В табл. 2 представлены статистические показатели модели, демонстрирующие ее пригодность и подтверждающие факторную валидность психометрической модели виртуальной идентичности.

Показатели согласованности пунктов в шкалах и статистика распределения, представленные в табл. 3, подтверждают надежность психометрической модели виртуальной идентичности.

Интерпретируя данные, отметим следующее.

Шкала моратория свидетельствует о том, что современная молодежь, вопреки восторженным утверждениям об успехах «цифрового поколения» в виртуальной жизни, по всей видимости, испытывает сложности в конструировании идентичности и самоопределении. *Шкала предрешенной идентичности* говорит о том, что молодые люди, вопреки мнению о «цифровом разрыве поколений» все еще нуждаются в поддержке со стороны родителей не только в реальном, но и виртуальном мире. Современные студенты находятся на пути к взрослению и поэтому демонстрируют некоторые черты инфантильности (финансовая зависимость от родителей, учебная деятельность вместо трудовой, отложенное родительство и пр.). Однако тот факт, что мно-

Таблица 2 / Table 2

Мера адекватности и критерий Бартлетта / Measure of adequacy and Bartlett criterion

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина		0,7
Критерий сферичности Бартлетта	Хи-квадрат	1519,3
	Степень свободы	276
	Значение р-уровня	0,000

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Статистика согласованности и распределения показателей / Consistency and distribution statistics

Шкала	α-Кронбаха	Тест Колмогорова-Смирнова (ρ-уровень)
Мораторий виртуальной идентичности	0,70	0,052
Предрешенная виртуальная идентичность	0,68	0,114
Диффузная виртуальная идентичность	0,63	0,061
Достигнутая виртуальная идентичность	0,65	0,072

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

Корреляции статусов виртуальной идентичности со свойствами личности / Correlation of virtual identity statuses with personality traits

	Диффузная виртуальная идентичность	Предрешенная виртуальная идентичность	Мораторий виртуальной идентичности	Достигнутая виртуальная идентичность
Удовлетворенность жизнью	0,12*	0,07	-0,07	0,16**
Экстраверсия	-0,02	-0,04	-0,16**	0,13*
Доброжелательность	0,13*	-0,01	0,09	0,11
Добросовестность	0,13*	0,03	-0,04	0,12*
Нейротизм	0,05	-0,04	0,20**	-0,01
Открытость	0,05	-0,08	0,07	0,22**
Самодетерминация	0,03	-0,14*	0,07	0,23**

Примечание: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

гие молодые люди предпочитают самостоятельность в организации своей виртуальной жизни, указывает на тенденцию освоения взрослого субкультурного пространства преимущественно в онлайн-контексте. За явлением *диффузной виртуальной идентичности*,

по-видимому, скрывается общее безразличное, отстраненное отношение к жизни в целом, а не только в отношении виртуальной среды. Молодежь сталкивается с проблемой спутанной идентичности на фоне отсутствия выраженных образцов, демонстрирующих

целевые ценностно-смысловые ориентиры поведения. Показатели *достигнутой виртуальной идентичности* вполне соответствуют данным многочисленных социальных опросов и описательных психологических исследований, выявляющих тенденцию современных молодых людей к самоопределению в интернет-пространстве и виртуальной среде.

Однако, на наш взгляд, полученные результаты следует рассматривать не дифференцированно (раздельно анализируя показатели отдельных шкал), а в интегративном единстве.

Сравнительный анализ показал, что *достигнутая виртуальная идентичность* в группе студентов демонстрируется статистически значимо чаще, чем другие статусы ($p < 0,01$).

Корреляционный анализ показателей статуса виртуальной идентичности с возрастом демонстрирует статистически значимое возрастное повышение диффузной ($p = 0,03$) и предпринимательской ($p = 0,01$) виртуальной идентичности. Данный факт может указывать на «*цифровой разрыв*» у поколения современных студентов, обусловленный чересчур стремительными изменениями виртуальной среды. Учащиеся младших курсов, включенные в виртуальную среду на более раннем этапе развития, чем старшекурсники, лучше адаптированы к ней и самостоятельнее в стратегиях онлайн-самоопределения.

Корреляционный анализ (табл. 4) демонстрирует связи между показателями статусов

виртуальной идентичности и устойчивыми свойствами личности.

Итак, мы видим, что диспозиции личности связаны со статусом виртуальной идентичности. Удовлетворенными жизнью, открытыми к новому опыту и способными к самодетерминации являются те, кто демонстрировал достигнутую виртуальную идентичность — они уверены в себе, любопытны, способны самостоятельно определять меру своей ответственности и проявляют тенденцию к социализации. Эмоционально нестабильны и интеровертированы те, кто переживает мораторий виртуальной идентичности — они находятся в поиске своего «Я» в виртуальном мире и испытывают по этому поводу тревогу — в реальном.

ВЫВОДЫ

Цифровые инструменты опосредствуют все сферы жизни современного человека, фокусируя внимание ученых на изучении механизмов развития личности в виртуальных средах. Мы провели исследование, в котором установили связи между диспозициями личности и статусами виртуальной идентичности, подтвердив устойчивость личностных характеристик реального «Я» в онлайн-среде. Данная работа подтверждает эвристический потенциал нашей типологической модели и может служить основой для дальнейших исследований виртуальной идентичности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Автор благодарит за помощь в обработке данных опроса лаборанта Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФСНиМК А.О. Сейранян.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

The author would like to thank A. O. Seyranyan, laboratory assistant at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the FSNiMK, for her assistance in processing the survey data.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато; 1996. 592 с.
2. Schwartz S.J., Luuyckx K., Vignoles V.L. Handbook of identity theory and research. N.Y.: Springer Science; 2011. 1040 p.
3. Myers D. "Anonymity is part of the magic": Individual manipulation of computer-mediated communication contexts. *Qualitative Sociology*. 1987;(10):251–266. DOI: 10.1007/BF00988989
4. Аргайл М. Психология счастья. Пер. с англ. СПб.: Питер принт; 2003. 270 с.
5. Барабанщиков В.А., ред. Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Издательство «Институт психологии РАН»; 2010. 888 с.

6. Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К. Дж., Джон О. П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;18(1): 7–33. DOI: 10.17323/1813–8918–2021–1–7–33

REFERENCES

1. Erikson E. *Childhood and society*. St. Petersburg: Lenato; 1996. 592 p. (In Russ.).
2. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. *Handbook of identity theory and research*. N.Y.: Springer Science; 2011. 1040 p.
3. Myers D. “Anonymity is part of the magic”: Individual manipulation of computer-mediated communication contexts. *Qualitative Sociology*. 1987;(10):251–266. DOI: 10.1007/BF00988989
4. Argyle M. *The Psychology of Happiness*. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter print; 2003. 270 p. (In Russ.).
5. Barabanshchikov V. A., ed. *Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects*. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN»; 2010. 888 p. (In Russ.)
6. Kalugin A. Y., Schebetenko S. A., Mishkevich A. M., Soto K. J., John O. P. Psychometrics of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021;18(1):7–33. (In Russ.). DOI: 10.17323/1813–8918–2021–1–7–33

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Владимировна Клементьева — доктор психологических наук, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina V. Klementyeva — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>

MVKlementeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.07.2023; принята к публикации 30.07.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.07.2023; accepted for publication on 30.07.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.